

УДК 1:316.3

МЕДИУМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Перепелица О.Н.

В статье рассматриваются линии критической философии Проекта Просвещения. Утверждается, что ни одна из критик Просвещения все еще не завершена. Язык, секс и деньги понимаются как медиумы Просвещения. Ключевые слова: медиум, Просвещение, критика, секс, язык, деньги.

Предметом исследования является критическая философия Проекта Просвещения. **Цель** исследования – посредством понятия «медиум» раскрыть специфику критической философии Проекта Просвещения.

Ответ на вопрос, что такое Просвещение, представленный в законодательной версии И. Канта и интерпретирующей версии М. Фуко, тем не менее, не является исчерпывающимся. Он актуализируется вопросом, почему *до сих пор* мы не стали совершеннолетними в кантовском понимании этого концепта. Оба философа, принадлежащие к критической традиции, отказывают современникам в совершеннолетию, а стало быть, и эпохе – в том, чтобы иметь честь именоваться просвещенной. В свете этой критики возгласы «В наш просвещенный век!», раздающиеся со стороны идеологически ангажированных интеллектуалов и демагогствующих политиков, звучат, по меньшей мере, смешно, если не сказать, цинично. Более того, ситуация осложняется еще и тем, что общим местом стало либерально-демократическое утверждение об изначально присущем каждому человеку мышлением «Я», имеющем «свое мнение». Таким образом, сама просвещенческая критика (э)того так называемого «Просвещения» остается не менее необходимой, чем двести лет назад.

Выделим ключевые фигуры и этапы этой критики. Они базируются на кантовской философии в целом, и отправной точкой берут кантовское же указание направлений критики. Помним, что Кант в качестве институций, которые управляют человеческим разумом и не позволяют ему стать совершеннолетним, указал три: религия, право и медицина [см. 3]. На протяжении последующих столетий различные мыслители пытались осуществить эту критику. Радикальную критику религии образовали Д.-А.-Ф. де Сад, Д. Штраус, Л. Фейербах, М. Штирнер и Ф. Ницше, сегодня их работу продолжает, например, М. Онфре. Критику правовых систем осуществляли Ш. Фурье, П.Ж. Прудон, К. Маркс, сегодня их линию продолжает, пожалуй, С. Жижек. Критику медицинских институций развернули З. Фрейд, М. Фуко, Ж. Делез, сегодня эта критика продолжается на почве тлеющих остатков постмодернизма. Конечно же, все эти критики ведутся с

различных онтологических и методологических оснований, с различных партийных позиций.

Но, кроме того, пересматриваются незыблемые для Канта величины: субъект/Я и мысль, собственно, картезианский мыслящий субъект. Эта критика проводится в русле ницшеанства (если таковое может существовать, то, пожалуй, только в такой версии), например, М. Фуко или Ж. Лаканом. Требование необходимости «онтологии нас самих» или «герменевтики субъекта», так же как и столкновение с «реальным», ставят нас перед изначальным кантовским вопросом «Кто Я?», переформатированным М. Штирнером и Ф. Ницше. *Просвещенный*, прежде всего, должен решить этот вопрос, а уже потом решать, «что я могу знать; что я должен делать; на что я могу надеяться». Себя (Я) еще нужно найти. Такова первая претензия Канту. Причем, найти именно *себя*, а не некоего человека *в себе*. Смещение самого вопроса с «что такое человек?» на «кто я?» и с «что говорится?» на «кто говорит?», как и пресловутое децентрирование субъекта, есть разработка данной критики.

Вторая претензия, откладывающая решение вопроса о судьбе Просвещения, обращена в сторону кантовского *razonieren* [см. 7, с. 340]. Ее четко сформулировали Маркс и весь так называемый марксизм. Мышление ради мышления, т.е. аристотелевская модель философии, исчерпало себя. Субъект – это, прежде всего, субъект действия. Разум – это лишь средство. Бытие определяет сознание, а субъект – это осознающий и сознательно строящий свое бытие субъект. Этот призыв коррелирует с заявлениями Ницше, типа «не счастья ищет Заратустра, а своего дела».

Собственно, таковы основные штрихи критики Просвещения. Три медиума, образующими судьбу Просвещения и линии самой критики, становятся деньги, язык и секс. Точнее, между правом/государством, религией/идеологией, медициной/жизнью на топологическом уровне и деньгами, языком, сексом на коммуникативном существует определенная корреляция. Давайте немного остановимся на этой корреляции.

Что такое, в сущности, правовая система? Философы (и) государственные служащие в решении этого вопроса придерживаются гегелевской философии права, одобренной принципами либерализма. Право де обеспечивает (а у Гегеля – *есть*) наличное бытие свободной воли. Но, нужно помнить, что нравственная сублимация у Гегеля совпадает с позитивным правом, выраженным в законе. Этический императив свободно волящего, таким образом, ограничен всеобщим законом. И наши бравые правоведы, вместе с философами права, в массе своей увязли в конструировании «лучших» законов, которые как можно точнее должны были отвечать этой хитрой идее о свободной воле.

И это притом, что критика Ницше, с одной стороны, и Маркса – с другой, выводит нас за пределы такого слишком априористского идеалистического видения. Но, возможно, именно подозрение и далее разоблачение такой идеологической позиции в отношении права и есть величайшее достижение этих мыслителей. Ницше идет со стороны шопенгауэровского поворота, который поставил под сомнение наличие свободной воли или свободно волящего/мыслящего субъекта, так, что у него слишком абстрактная критика А. Шопенгауэра обретает конкретные формы. Закон, в сущности, выражает волю к власти законодателя, так же, как и

моральный императив отвечает воле к власти, про-/ис-поведующих его. Стало быть, закон никогда не носит всеобщего характера, а право есть наличное бытие воли к власти.

Но Маркс разоблачил подлинную субстанцию права. Он пишет в предисловии «К критике политической экономии», что «правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа», а «наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом»», и, главное: «анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» [4, с. 6]. Разбор же политической экономии открывает два главнейших элемента буржуазного общества: товар и деньги. Товарно-денежная форма формирует коммуникацию, базирующуюся на товарном фетишизме. Поэтому можно утверждать, что разбор стоимостей вскрывает *медиум денег* как коммуникативное основание буржуазного общества. Все отношения между людьми опосредованы деньгами и измеряются по принципу ценообразования или *закону стоимости* (меновой/прибавочной). В свете этой критики становится очевидным, что мы не можем стать просвещенными до тех пор, пока не избавимся от товарного фетишизма, пока логика эквивалентностей медиума денег не будет поставлена на службу человеку или снята.

Что такое, в сущности, религия? Тут вся современная мысль тоже следует гегелевскому разумению: «В самом понятии религии заключается то, что она есть не просто знание о боге, о его качествах, нашем отношении и отношении мира к нему, а также нетленности нашей души..., она не есть просто историческое или рассудочное знание, в ней заинтересовано сердце, она имеет влияние на наши чувства и на определение нашей воли, отчасти в силу того, что благодаря ей наши обязанности и законы приобретают большую силу, будучи представлены нам как законы бога, отчасти в силу того, что представление о возвышенности и доброте бога по отношению к нам наполняет наше сердце восхищением и чувствами смирения и благодарности.

Таким образом, религия поднимает моральность и ее мотивы на новую, более величественную высоту, она создает новую, более могучую преграду против силы чувственных побуждений» [1, с. 48]. Гегель здесь, невзирая на кантовское разделение этики и религии, отдает должное влиянию религии на мораль и право, при этом, просто беспощадно вскрывая сущность религии. Она призвана, собственно, обуздать пресловутую свободу воли, ограничив список достоинств смирением и поклонением – двумя славными качествами гражданского общества, дополненными античувственностью.

Специфику этих представлений анатомируют все те же Маркс и Ницше. Маркс это делает вместе с Энгельсом в «Немецкой идеологии» и «Святом семействе» – в этих двух изящных философских книжках, перенасыщенных юношеским сарказмом, иронией и задором. Редуцируя религию к идеологии, они выявляют ее стихию, которая обозначена емким словом «Книга», то есть ничто [см. 5, с. 105]. В отношениях с богом, как и в гегелевской философии, главную роль играют слова. Так, Маркс и Энгельс открывают *медиум языка*. А вот Ницше делает самую радикальную попытку критики медиума языка, которая непременно должна была

завершиться молчанием, как он сам и предупреждал. Бесконечно манипулируя словами, именами, языками, понятиями, даже ударениями, Ницше обесценивает их значения. Пресловутая переоценка всех ценностей есть и работа переименовывания,

Но Ницше также обнаруживает корреляцию между медиумом языка и правом. В «Сумерках идолов», производя остроумную критику/разоблачение Канта, Ницше пишет текст, обозначенный подзаголовком-примечанием «Из докторской диссертации» (неправда ли, много говорящее название?): ««Какова задача всякой высшей школы?» – Сделать из человека машину. – «Что служит средством для этого?» – Он должен научиться скучать. – «Как достигается это?» – С помощью понятия долга. – «Кто является для него образцом в этом отношении?» – Филолог: он учит *зубрить*. – «Кто является совершенным человеком?» – Государственный чиновник. – «Какая философия дает высшую формулу для государственного чиновника?» – Философия Канта: государственный чиновник как вещь в себе, поставленный судьей над государственным чиновником как явлением» [6, с. 608].

Задача высшей школы, то есть университета (того самого, который фигурирует в кантовском «Споре факультетов», работе, которую обязательно нужно читать в контексте «Ответа» на основной вопрос современной философии «Что такое Просвещение?») состоит в производстве человека-машины. Средством для этого служит скука, как ясно подчеркивает Ницше. А достигается это предписанием таких понятий, как долг. Именно поэтому на самом деле выходит, что куда важнее *филологический* факультет, который практикует зубрежку, заучивание фигур речи. Ведь, когда мы зазубриваем, мы не мыслим. Именно поэтому идеальным или, как пишет Ницше, совершенным человеком является государственный чиновник, который запросто способен справляться с буквой закона, не задумываясь о его смысле. А высшую формулу для государственного чиновника дает философия Канта. Выходит, что мы не можем стать просвещенными, пока не избавимся от мифа грамматики, как говорит Ницше, или предписывающей силы имен (или, в лакановской версии, языка, структурирующего наше бессознательное).

Что такое медицина? На этот вопрос тоже четко отвечает Гегель: медицина – это наука о болезнях и их лечении [2, с. 179]. Естественно, чтобы в лечении была необходимость нужно, чтобы здоровье стало абсолютной ценностью. Это дисциплинирует. Режим, распорядок, диететика, гастрософия – таков набор новых буржуазных ценностей. Кстати говоря, Кант в этом отношении придерживается тех же самых средств, с той только разницей, что он *сам себе* предписывает режим. Но этот режим, прямо таки в полном соответствии с христианским видением, исключает секс, словно бы он вредил здоровому образу жизни. Выходит, то, что связывается с дарением жизни и наслаждением, должно быть отменено во имя приемлемой жизни. Быть может, Кант (подобно Саду) повлиял на формирование той идеи эротизма (например, у Ж. Батая), которая секс сплавляет с растратой и потлачем. Но, только оставаясь на таких позициях, мы сохраняем медиумную силу языка и денег. Секс же, как медиум, проступает у Л. Фейербаха, а находит полную реализацию у З. Фрейда.

Фрейдовское открытие связывает жизненную энергию прямо с сексуальностью. Путь к здоровью, по Фрейду, лежит через здоровую сексуальность. И где либидо (Эрос) способно свободно действовать, там именно секс выступает медиумом. На этом базировалась просвещенческая логика (со времен Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро и де

Сада) сексуальной революции. Первой существенной критике она была подвергнута М. Фуко, вскрывшим диспозитив сексуальности как составляющей био-власти. Сложно сказать, к чему призывает эта критика сексуального разума. Возможно, к некоей деконструкции или шизоаналитическому переосмыслению, но может быть, к той идее, что секс не может обрести медиумную силу до тех пор, пока он не будет избавлен от различных форм регламентирования, вероятно, от любых диететических предписаний (будь то в кантовской, садовской и даже фрейдистской версии). Точно так же и сексуальное просвещение лежит по ту сторону любых запретов.

Так что же сегодня может значить быть верным Просвещению?

Во-первых, это не значит просто читать и перечитывать классические книги Проекта Просвещения и повторять заученные фразы, уподобляясь несовершеннолетним. Нам стоит внимательнее отнестись к возможным *проекциям* Просвещения. Нужно разобраться, каков характер т.н. постмодернистских проекций: шизоанализа, деконструкции и т.п. и, наконец – заявить свои возможные версии.

С каких позиций это может быть сделано? Здесь предлагается одна из вероятных версий. Прежде всего, следуя логике Просвещения, необходимо занять критическую позицию подозрения. А это значит, в соответствии с кантовским подозрением, необходимо подвергать критике религию, государство и институты оздоровления. Но это предполагает, что ни ницшеанская, ни марксистская, ни фукианская критики Просвещения не завершены. Бог не умер. Государство не было снято. А люди по-прежнему не распоряжаются своей жизнью, ведь наш образ жизни определяется по-прежнему не нами.

Что является основной преградой для завершения этих критик? В данной версии в качестве такой преграды видится идеологема толерантности. Ведь на самом деле она выгодна церкви, государству и валео-институциям, которые, в свою очередь, практикуют вовсе не толерантную позицию. Церковь запросто может предать анафеме, но не терпит атеистических упреков в ее адрес. Государство способно засудить за любое нарушение им же и установленных ограничений. И медики уже заранее приняли на веру, что жизнь лучше смерти, и не терпят никаких опровержений.

Выводы. Непримируемая критика, *обценная* с точки зрения любой из институций-медиумов, может быть стартовой площадкой для возможных проекций Просвещения. Я думаю, что хороший путь состоит в пересечении, точнее смещении медиумов языка, денег и секса. Что это значит? Например, стоит вести критику языка (также и критику религии) с позиций медиума денег (например, строгий марксистский анализ капитала церкви) или с позиций медиума секса (например, психоаналитическая критика либидо церковников). Или – пытаться вести критику медиума денег, права и государства с позиций медиума языка (например, деконструкция, новый историцизм или анализ знаковой стоимости) или с позиций медиума секса. По такой же аналогии необходимо проводить и критику секса и валео-институций. Так, мы могли бы попытаться освободить свои действия от прескриптивных ограничений, которые структурирует обобщающий разум.

Наконец, возможно, стоит всерьез принять слова Бодрийяра об обценном. Если вещи, стоящие перед нами в своей гиперреальной близости, которые мы

разглядываем анатомирующим взглядом, лишаются своего соблазна, тогда, быть может, и закон слова и требование долга и жажда удовлетворения, лишатся своего очарования. И мы, наконец, станем совершеннолетними, хотя тут еще стоит разобраться, зачем это нам нужно. И нужно ли.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Народная религия и христианство / Г.В.Ф. Гегель; [пер. с нем.]. // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. – М.: Мысль, 1972. – Т. 1. – 1972. – С. 45-86.
2. Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика / Г.В.Ф. Гегель; [пер. с нем.]. // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. – М.: Мысль, 1972. – Т. 2. – 1972. – С. 179.
3. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? / И. Кант; [пер. с нем.]. // Кант И. Сочинения: В 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – 1966. – С. 25-35.
4. Маркс К. К критике политической экономии. / К. Маркс; [пер. с нем.]. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1959. – Т. 13. – 1959. – С. 1-167.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.. / К. Маркс; [пер. с нем.]. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 3. – 1955. – С. 7-544.
6. Ницше Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом. / Ф. Ницше; [пер. с нем.]. // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – 1990. – С. 608.
7. Фуко М. Что такое Просвещение? / М. Фуко; [пер. с фр.]. // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2002. – С. 335-359.

Перепелица О.М. Медіуми Просвітництва // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2011. – Т. 24 (63). – № 1. – С. 53-58.

У статті розглядаються лінії критичної філософії Проекту Просвітництва. Стверджується, що жодна з критик Просвітництва все ще не завершена. Мова, секс і гроші розуміються як медіуми Просвітництва.

Ключові слова: медіум, Просвітництво, критика, секс, мова, гроші.

Perepelitsa O.N. Mediums of Enlightenment // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2011. – Vol. 24 (63). – № 1. – P. 53-58.

This article deal with the Project of Enlightenment critical philosophy lines. It is postulated that none of critic of Enlightenment still not completed. A language, sex and money, are understood as mediums of Enlightenment.

Keywords: medium, Enlightenment, criticism, sex, language, money.

Статья поступила в редакцию 10.11.2010